

Пшеничное зерно

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

ДЖЕЙМС НГУГИ

Кения

ВТО время Гиконьо плотничал в Табаи. Были они с матерью родом не из этих мест, но прижились прочно. И из табайцев никто не корил их, что они, мол, чужаки. И то сказать, в Табаи Гиконьо попал еще младенцем, привязанным за материнской спиной. Мать его пришла сюда из окрестностей Элбургона, городка в Рифт-Вэлли. Его отец Варухиу работал исполу на фермах европейцев, был трудолюбив, жил в достатке и потому отбоя не знал от женщин. Жен менял часто — они ему быстро приедались. Чтобы спровадить опостылевшую жену, Варухиу донимал ее колотушками. Но Вангари была упряма. В конце концов Варухиу просто выгнал ее из дому, обрек с младенцем на бродяжничество. Вангари не пала духом. «Не перевелись еще добрые люди на земле кикуйю», — сказала она про себя. — Варухиу надеется, что я помру с голоду. Но в любой хижине, где есть ребенок, мне не откажут в плошке молока». И кинув гневный взор в сторону мужнего дома, она села в Элбургоне на поезд и уехала в Табаи.

Когда пришло время, Вангари отдала сына в школу. Но окончить ее Гиконьо не пришлось — вскоре матери нечем стало платить за его ученье. По счастью, в школе он освоил навыки плотницкого ремесла, и это определило его судьбу.

Работа плотника пришлась ему по душе. Юноша самозабвенно водил рубанком по доске, испытывая и трепетный страх, и радостное изумление. Его пьянил аромат свежих стружек. Вскоре он научился по запаху безошибочно различать сорта древесины. Но юный плотник не хотел, чтобы люди думали, будто хлеб ему легко достается. Поэтому всякий раз он разыгрывал целое представление перед заказчиком.

Принесет женщина доску и первым делом спросит, что, мол, за дерево. Гиконьо повертит доску в руках, этак небрежно на нее взглянет и отбросит в угол, на кучу обрезков. И снова принимается за прерванную приходом заказчицы работу. Женщина

станет в сторонку, любителю тем, как играют его мускулы. Некоторое время спустя он поднимает доску и упирает ее одним концом в верстак. Зажмурив левый глаз, смотрит на доску прищуренным правым. Затем зажмурит правый и прищурит левый. Потом начинает барабанить костяшкой указательного пальца по доске, словно изгоняя из дерева злых духов. Потом возьмет молоток, стукнет им — прислушается, стукнет — прислушается... Потом тщательно, по всем правилам ремесла, обнюхает доску и возвращает ее женщине, а сам опять за работу.

— Ну, что за дерево? Может, подо? — осмеливается спросить женщина, совершенно ошалев от всех этих постукиваний и обнюхиваний.

— Подо? Гм... Ну-ка дай! — И снова нюхает доску, вертит ее в руках, многозначительно качает головой. Потом пустится в пространные объяснения, доказывая, что это никак не может быть подо.

— Это камфарное дерево. Слышала про такое? Растет оно в горах Абердера и на склонах горы Кения. Отличная древесина. Недаром белые прибрали те земли к рукам.

Вся мастерская Гиконьо состояла из небольшого верстака, прилаженного к наружной стене хижины. На закате дня в «мастерскую» обычно приходила Вангари и принималась рыться в ворохе стружек, отыскивая щепки для растопки.

— Эта палка тебе не нужна? — спрашивала она с улыбкой.

— Ах, мама, перестань. Ты как увидишь доску — так сама не своя, сразу сжечь ее норовишь. А ведь она денег стоит. Только разве вас, женщин, переделаешь!

— Эка невидаль! — подзадоривала сына Вангари. Ей доставляло удовольствие шуточно пререкаться с ним.

— Так и быть, бери. Но это в последний раз, честное слово.

На следующий день в предзакатный час Вангари являлась вновь. Она брала в руки пилу или молоток, внимательно их разглядывала, точно это были какие-то волшебные предметы. Гиконьо не мог сдерживать улыбки.

— Из тебя, мама, вышел бы отличный плотник, ей-богу!

— Что ни говори, а у НИХ головы не пустые. Видишь, как ловко придумали, чем дерево резать. — «ОНИ» — так Вангари всегда называла белых.

— Лучше позаботься об ужине. А нашего ремесла женщине все равно не постигнуть.

— Послушай, тебе нужна эта деревяшка?

— Ох, мама, опять!..

Гиконьо лелеял заветную мечту, ни с кем ею не делился — приобрести для матери участок земли. Но на это требовалась уйма денег. Ох как он хотел

Продолжение. См. «Азия и Африка сегодня» № 3—5 за 1969 г.

разбогатеть! А второй причиной была Мумби. Желание стать богачом разгоралось в нем еще сильнее всякий раз, когда он видел эту девушку или думал о ней. Ее лицо, голос вызывали в нем мучительный трепет. Он хорошо знал, что сердце его подобно вопиющему в пустыне. Разве не ясно, что Мумби, первая на всю долину красавица, не снизойдет до нищего плотника, не поднесет ему калebas¹ со студеной водой, не скажет: «Пей, мой избранник!»? Но терпения парню было не занимать, да и работы он не боялся — шел к своей цели. Он исподтишка наблюдал за Мумби, когда она гуляла в поле среди цветущего гороха, кудрявых бобов и высокой кукурузы. Сколько раз собирался признать ей в своем чувстве! Но при встрече отвага покидала его, и, лишь кивнув ей, он проходил мимо.

Мбугуа, отец Мумби, был одним из самых почтенных старцев в долине. Его усадьба состояла из трех жилых хижин и двух кладовых, где никогда не переводилось зерно. Густые заросли ежевики, крапивы и колючего шиповника живой изгородью окружали его владения. В старом Табаи хижины стояли как придется на склоне зеленого холма. Их соломенные кровли утопали в буйной поросли кустарника. Кустарник никогда не расчищали, и бывали случаи, что дикие звери устраивали в нем себе логово. Мбугуа уважали все. Он был отважным воином и рачительным хозяином. Рассказывают, что одно имя его повергало в трепет враждебные племена. Так было в старину, еще до того, как белый человек положил конец племенным войнам. Но и в мирные дни Мбугуа сохранил свое влияние. Когда на совете старейшин слушались тяжбы, его слово всегда было решающим. Ванджику, его единственная жена, до седых волос все называла мужа «молодой воин». Эта крошечная женщина была полной противоположностью своему великану-воину. Голос у нее был мягкий и добрый. В юности она часто пела на деревенских праздниках и именно голосом своим пленила сердце Мбугуа. Она родила ему двух сыновей — Кихику и Кариуки. Кариуки, последыш, был материнским любимцем. А Мбугуа втайне отдавал предпочтение Кихике. Кихика рос храбрецом, умел постоять за себя — одним словом, в отца пошел.

Подросток Кариуки старшего брата боготворил. Не мог дожидаться дня, когда он тоже вырастет, как Кихика, получит право заигрывать с девушками, которые любили собираться вечером в их хижине. Кариуки отдали в школу Мангуо, одну из первых, построенных на крестьянские деньги. Он полюбил книги и сидел над ними допоздна при свете очага. Но подчас его усердие подвергалось серьезному испытанию. Юноши и девушки, ровесники старшего брата, отвлекали его шумными играми и веселыми побасенками. Он был младший, а младшим не положено что-либо видеть или слышать. И если парни замечали, что он смеется какой-нибудь двусмысленной шутке, они грозились выставить его за дверь. Гиконьо, приходя в их дом, часто приносил Кариуки сладости и игрушки. И, конечно, мальчишка в нем души не чаял. Истории, которые рассказывал Гиконьо, Кариуки казались самыми смешными. Но Гиконьо день от дня менялся. Он сделался мрачным, редко открывал рот, особенно в присутствии Мумби. Душой общества стал Каранджа, девушки хихикали над его порою не очень пристойными шутками. Каранджа обладал способностью в любом рассказе выставить себя героем. И Кариуки неволь-

но проникся к нему уважением, дивился его отваге, находчивости и уму.

Молодежь охотно собиралась в домах, где росли хорошенькие дочки. Ванджику едва поспевала припасать угощение. «Хижина, в которой растут дети, всегда полна людьми», — часто повторяла она. Когда являлись парни, Ванджику под тем или иным предлогом уходила из дому, но перед уходом напроминала Мумби: «Не забудь их покормить».

Мумби, как и другие девушки, тоже ходила на полустанок по воскресеньям. Ее завораживал грохочущий поезд, она не могла оторвать от него глаз. Однако на танцах в лесу Киненья Мумби не бывала. Проводив поезд, она возвращалась домой. К ней приходили подруги, и девушки вместе стряпали или заплетали косички друг другу.

Порой в темных очах Мумби появлялось мечтательное выражение. Ей хотелось чего-то необычного, такого, чего в их деревне не сыщешь. Она уютно устраивалась на солнышке и грезилась о жизни, полной любви, героизма самоотверженности. С ранних лет впитала она легенды об отважных женщинах кихуйю, жертвовавших собой ради спасения других, о прекрасных девушках, отданных богам, чтобы вымолить у них дождь.

Ей было приятно читать нескрываемое восхищение в глазах мужчин. Смеясь, Мумби запрокидывала голову, и блики от костра играли на ее шее. У Гиконьо мутился разум. Говорили, что сын преподобного Джексона, Ричард, посватался к ней. Джексон был самым главным священником во всем Киньяго. Ходили слухи, что он собирается послать сына, кончавшего среднюю школу в Сириане, в университет в Уганду или, быть может, даже в Англию. Но самое удивительное, что Мумби сумела отказать Ричарду, не оскорбив при этом его достоинства. Они остались добрыми друзьями. Частенько Ричард украдкой удирал из дому в Табаи, чтобы повидать Мумби. А Гиконьо еще пуще робел: «Если уж такой парень ей нехорош, то мне и надеяться не на что».

Он набросился на работу, чтобы отвлечься от мрачных дум. Мастерил скамьи, и стулья, и посудные полки для всей деревни, вставлял оконные рамы и навешивал двери. Не гнушался и мелочами. Придет к нему женщина, принесет колченогий стул с просьбой приделать недостающую ножку. Насвистывая модную песенку, Гиконьо внимательно осмотрит поломку.

— Три шиллинга будет стоить.

— Ты что, сынок, виданное ли дело — три шиллинга!

— Что ж я задаром должен работать?

— Я тебе в матери гожусь, бесстыжий! Соглашайся на шиллинг!

— Ну ладно, — ворчит Гиконьо, отлично зная, что и шиллинг она ему в конце концов не отдаст.

— Если и дальше так пойдет, помирать мне бедняком, — жаловался Гиконьо матери.

— Да уж будет тебе, — любовно журила его Ванджари. — Ведь у них самих ни гроша за душой нет.

Как-то раз вечером после долгого трудового дня — он мастерил мебель по заказу молодоженов, обещались заплатить в конце месяца — Гиконьо взялся за гитару. Хорошая у него гитара была. Хоть и подержанная, индийский торговец взял за нее кучу денег...

Он мягко перебирал струны и негромко напевал, подбирая недавно услышанную мелодию. Усталость постепенно уходила прочь. Садилось солнце, и длинные тени от домов и деревьев росли вширь, сливались воедино.

¹ Калebas — сосуд из выдолбленной тыквы.

Вдруг за спиной у него зашелестела стружка. Гиконьо вздрогнул и смутился, увидев Мумби. Оказывается, она устроилась с вязанием в руках совсем рядом с ним.

— Что ж ты перестал играть? — улыбнулась она.

— Незачем тебе слушать, как я уродую песню.

— Ты поэтому, наверное, вечно молчишь, когда бываешь у нас? — Глаза ее плутовато блеснули. — Хорошо ты играешь. Я уж давно здесь сижу, прямо заслушалась.

— Ты бы других послушала. Вот если бы ты ходила на воскресные танцы!

— Хотя я там не бываю, а хорошего певца от плохого могу отличить. Каранджа, к примеру, часто заходит к нам, играет и поет для меня одной. Он играет, а я вяжу. Замечательный гитарист!

— Верно, гитарист он хороший, — буркнул Гиконьо. Мумби заметила как при этом по горлу у него прокатился клубок. Ее игривость как рукой сняло, она заговорила серьезно.

— Нет, правда. Ты прекрасно играешь. А главное — ты делаешь это для себя, для души, — в голосе ее звучала такая неподдельная искренность, что Гиконьо возликовал.

— Хочешь, и я как-нибудь зайду к вам, поиграю?

— Ты сейчас сыграй, — попросила она ласково и настойчиво. Гиконьо растерялся. Играть, зная, что Мумби рядом...

— Ладно, я сыграю. А ты подпевай. Мне нравится твой голос, — сказал он наконец, снова берясь за гитару.

Он боялся, что она увидит, как у него дрожат руки. Сначала он взял несколько аккордов, стараясь успокоиться. Мумби терпеливо ждала. И тут к нему вернулась уверенность, все на свете стало ни почем. От звуков ее голоса блаженный озноб прошел по спине. Он вкладывал в игру всю душу. Ему казалось, что он бредет к ней в потемках, судорожно нащупывая дорогу. Он рвал струны, и они трепетали, как его сердце... На душе стало легко и радостно. И голос Мумби дрожал от страсти, вторя трепету струн...

Песня кончилась. Плотная, густевшая теплая тишина опустилась на них.

— Отчего это все так прекрасно и спокойно вокруг? — нарушила молчание Мумби.

— Так всегда бывает в сумерки. Знаешь, я спою тебе еще одну песню...

— Какую? Спой скорее!

— Наверное, ты ее слышала. Кажется, ее принес Кихика. Я запомнил только припев:

*Гикую и Мумби,
Гикую и Мумби,
Гикую и Мумби,
Я сгорел от любви!*

Но Мумби вдруг нарушила торжественность момента, негромко рассмеявшись.

— В чем дело?

— Ах, плотник, плотник. Оказывается, ты знаешь, зачем я пришла!

— Да нет, откуда мне знать! — растерянно отозвался Гиконьо.

— Так ведь в песне про все сказано — и про меня, и про огонь, что сжег рукоятку у моей панги².

Вернулась Вангари, ходившая на реку за водой. Увидев Мумби, она обрадовалась. Девушка начала поддразнивать ее:

— Лучше бы тебе родить дочку вместо этого лентяя. За водой сходить не может!

— Эх, горюшко мое, — шутиливо подхватила Вангари. — Да бог с ним. Много ли старухе надо? А этому лентяю и подавно: он и моется-то в полгода раз — воду бережет.

— Мама, хороши шутки! После таких слов все девушки станут от меня бегать.

— Поставить чай?

— Нет, спасибо, — быстро ответила Мумби. — Мне надо домой успеть до темноты.

Она нагнулась к своей корзинке и вынула из нее пангу.

— Вот, Гиконьо, рукоятка сгорела — случайно оставили у очага. Мама просила сделать новую побыстрее. Сорняки надо полоть, а другой панги в доме нет.

Гиконьо взял нож, повертел его так и сяк.

— Сколько стоить будет? — спросила Мумби.

— Да ну, пустяки, и говорить не о чем...

— Вот еще! Даром никому ничего не достается...

— Я ведь не индийский лавочник... — нахмурился начал Гиконьо, но в этот миг перед ними выросли Каранджа, Кихика, Гитого и еще какой-то парень. Молодежь часто заглядывала в «мастерскую» Гиконьо поболтать на свободе.

— О мать мужчин, принимай гостей! — крикнул Каранджа Вангари. — Чайку нам подай!

— Ишь какой приткий, — донесся из хижины голос Вангари. — Потерпи, вода еще не вскипела.

Мумби заторопилась домой. Парни уговаривали ее остаться, но она не соглашалась.

— Тогда я провожу тебя, — вызвался Каранджа.

— Пойдем, мой прекрасный, — пропела Мумби в ответ. И скоро они скрылись в сгущавшейся темноте.

— Заходите в хижину, — позвал Гиконьо гостей упавшим голосом. Он завидовал самоуверенности и непринужденности Каранджи, его смелости в обращении с девушками. «Значит, он играет для нее на гитаре...» — эта мысль неотступно терзала его.

Когда Каранджа вернулся, все обратили внимание на то, что он сник и погрузился.

— Эге, парень, уж не влюбился ли ты в эту девчонку?

Все рассмеялись, даже Каранджа осклабился. Только Гиконьо сидел мрачный, не улыбнулся.

(Продолжение следует)

*Перевел с английского
Виктор Рамзес*

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ЗУЛУ

Голодная собака становится дикой.

*

Два быка вместе не уживутся.

*

Дерево гнется, пока оно молодо.

*

Для смерти нет сирот.

² Панга — нож для полевых работ типа мачете.